

Мой драгоценный враг

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лейла Хасанова
Мой драгоценный враг

https://litres.ru/74814078
SelfPub; 2026

Аннотация

Яна, тихая студентка академии магии, долгие годы скрывала свои чувства к безжалостному белому магу Луке. Его власть и холодность притягивали меня, пробуждая мечты о полном подчинении. Но я ошибалась: ненависть, которую я испытывала, была не чем иным, как неукротимой любовью. Боясь, что она разрушит мою жизнь, я держала чувства в тайне. Я язвила ему на глазах у всех, отпускала колкости, но одновременно стремилась достичь вершин в темной магии. Я надеялась, что однажды признание станет возможным, но реальность оказалась иной...

Содержание

Глава 1. В плену у Лукреция 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Лейла Хасанова
Мой драгоценный враг

Глава 1. В плену у Лукреция

Первым вернулся вкус. Медный, густой, будто я держала во рту старую монету. Потом — колени: паркет под ними холодный, с тёмной щелью между планками, и в щели застряла крошка. Я смотрела на эту крошку секунды две, прежде чем дошло: я стою на коленях, руки за спиной, и верёвка.

От запястий к лодыжкам. Коротко. Стоило податься вперёд — канаты впивались в кожу и тянули назад, к пяткам, выгибая спину. Дышать получалось. Думать почти.

Я потянулась внутрь, туда, где всегда сидит моя сила - тёмная, тёплая, привычная, как вода, набранная за минуту до твоего прихода. Рука прошла в пустоту. Будто в кармане, который аккуратно вырезали из подкладки, оставив ровную дырку.

Ладно. Значит, это происходит на самом деле. Во сне у меня была бы магия.

Комната оказалась незнакомой. Съёмная халупа в двух кварталах от кампуса, я такие видела сотни раз: окно во двор, абажур из дешёвого магазина, радиатор щёлкает через каждые полторы минуты. Слишком светло для вечера. У бе-

лых магов всегда так. Одна лампочка на сорок ватт, а свет лежит на полу ровно, будто его кто-то разлил и забыл вытереть.

Лука сидел на диване, закинув ногу на ногу, как будто ждал стоматолога.

Рубашка белая, рукава закатаны до локтя. На подлокотнике кружка — чай остыл, на дне размок пакетик, нитка свисает через край. Под диваном кроссовки, один носком в стену.

— О, проснулась, — сказал он ровно. — А я уже думал, что переборщил.

Я попробовала поработать голосом. Вышло через ткань:

— Что ты мне сделал?

Первый вопрос, который вылез. Ни «где я», ни «зачем».

Он не спешил. Наклонился вперёд, взял что-то с журнального столика — маленький пластиковый пульт, две кнопки, красная и зелёная. Такие продаются в наборах с радиоуправляемыми машинками. Пластик в мелких царапинах, угол стёрт.

— Видишь этот пульт?

— Вижу.

— Я ввёл тебе микрочипы, которые приносят невероятную боль

За ухом саднило, будто там что-то впилось. Это место, где, возможно, был введён чип. Чипы запрещены, так как считаются незаконными. Но как ему удалось достать подобное? Особенно учитывая, что он белый маг.

— Если нажму на красную кнопку — ты почувствуешь сильную головную боль.

— Зачем?

— Если хочешь знать зачем — чтобы ты меня слушала. И была моей игрушкой.

Я ждала смеха. Или шагов в коридоре. Или хоть чего-нибудь, что вернёт это в нормальный мир, где мы с ним девять лет грызёмся, и это всегда кончается одинаково: кто первым выйдет из аудитории, не оборачиваясь.

Он усмехнулся криво, провёл большим пальцем по красной кнопке. Медленно, будто пробуя на ощупь.

— В чём дело? В том, что ты слишком долго играла в независимую.

Он поднялся с дивана, подошёл вплотную и навис. Мне пришлось смотреть вверх, и это оказалось хуже всего остального: шея затекла, а он стоял и молчал, и молчание у него было устроено как пауза в чужой речи, куда нельзя вставить слово.

— Прекрати хмуриться. Это только ускорит процесс.

— Я не хмурюсь, — сказала я. — От этого морщины.

Он тихо усмехнулся, наклонился и взял меня за подбородок. Двумя пальцами, легко, будто проверяя, не горячий ли лоб.

— Морщины? Серьёзно? Ты сейчас связана на полу, а переживаешь за лицо.

— Конечно. Я же девушка, идиот.

Слово вышло раньше, чем я успела его взвесить.

Он отпустил мой подбородок. Убрал руку и остался стоять так же близко, и вот эта пустота на щеке сказала мне всё. За секунду до того, как он нажал.

Боль началась под затылком, там, где был чип, и пошла вперёд, за глаза. Открыть их стало невозможно. Я услышала свой голос со стороны — короткий, горловой, каким не говорят, а мычат, уткнувшись в подушку.

— Что ты сказала? — спросил он. — Повтори-ка это.

— Прекрати.

Он опустил пульт. Боль ушла сразу, оставив тяжёлое дыхание и медь во рту, ещё гуще прежнего.

— Прекрати? — он склонил голову набок. — А если я не хочу?

— Ты что, садист?

Он смотрел на меня долго. Потом опустился на одно колено. Прямо там, на паркет, рядом с крошкой в щели, и его лицо оказалось на моём уровне — второй раз за вечер. Первый был в девятом классе, на районном турнире: я выбила его из сетки, а он лежал на матах и смотрел в потолок ровно, без злости. Как будто откладывал.

— Садист? — сказал он. — Возможно. Только для тех, кто заставляет меня это доказывать.

И вот тут что-то во мне сдвинулось. Не от боли — боль прошла. От того, как он это сказал. Спокойно. Как человек, который не собирается ни оправдываться, ни объясняться.

Девять лет. Девять лет я знала про себя одну вещь и ни разу не произнесла её вслух. В шестнадцать я читала про такое в интернете, в семнадцать закрывала вкладки и стирала историю, в девятнадцать научилась не искать. Это было устроено просто: я могла признаться себе в чём угодно, кроме этого, потому что это шло вразрез со всем, чем я была. Яна, которая первой выходит из аудитории. Яна, которая не просит. Яна, которую нельзя заставить.

— Если бы я знала раньше, — сказала я, — то предложила бы кое-что.

Он приподнял бровь.

— Предложила бы? Выкладывай. Я слушаю.

Палец снова лёг на пластик, на этот раз на зелёную кнопку. Провёл по ней. Потом он убрал пульт в карман брюк — и это вышло хуже, чем когда он держал его на виду: теперь кнопок не было видно вообще, и приходилось верить ему на слово.

Я отвернулась. Уши горели. У меня всегда так: кровь приливает, и я становлюсь красной до шеи, и это видно из другой комнаты. Соврать и не выдать себя я физически не умею.

— Может, сам догадаешься... — сказала я в паркет. — Пожалуйста. Мне стыдно это произносить.

— Стыдно? — он поднялся. — Ну давай, постарайся. Если я угадаю твою жалкую попытку сделки, может быть, я тебя пощажу.

— Но ты же и так всё понял.

— Может быть. Но мне нравится слушать, как ты сама это признаёшь.

Он наклонился ближе. Взгляд ушёл с моих глаз ниже, на губы, и вернулся, и эта пауза в середине сказала больше, чем весь его пульт.

— Ты ведь знаешь, что такое БДСМ, — сказала я. Голос сел на первой же букве.

— Конечно, знаю. — Он провёл пальцем по моей щеке, и я почувствовала, что щека мокрая от пота. — И что же ты мне предлагаешь взамен на твою свободу?

Я собралась. Мне понадобилось на это секунд пять, и я слышала, как в тишине щёлкает радиатор, как он дышит, как во дворе кто-то заводит машину и не может завести, и стартер тянет одну ноту, одну и ту же.

— Мне такое нравится, — сказала я и снова отвернулась.

Он издал тихий смешок, коснулся моего уха — горящего, к которому я всю жизнь прикладывала холодные пальцы, чтобы никто не заметил.

— Нравится? Ты даже не представляешь, насколько ты сейчас жалкая. И что именно ты готова сделать ради этого пульта?

Я закрыла глаза. Сказать это в глаза было невозможно.

— Хочу, чтобы ты стал моим хозяином.

Прыжок. Слово, которое я не произносила вслух ни разу в жизни — только в голове, по ночам, и всегда после него становилось тихо, как после выключенного телевизора. Я ска-

зала его на полу в чужой съёмной квартире, с верёвкой на запястьях. И мне стало легче. Вот что было хуже всего.

Он замер.

За ту секунду я успела придумать три разных катастрофы. Потом его губы растянулись в довольной улыбке.

— Хозяином? — Он поднял мой подбородок, заставляя смотреть прямо. — Значит, моя гордая соперница готова сдаться мне без боя. Какое разочарование.

И вот это вошло. Не в голову — ниже, туда, где сидит всё стыдное.

— Значит, и для тебя я кажусь странной...

Я отвернулась и стала смотреть на кроссовки под диваном. Внутри что-то село, как села бы на пол сломанная полка. Девять лет вражды — это тоже своего рода отношения, и у меня в них была одна роль: не просить. Держать спину, держать лицо, выходить первой. Он только что сказал вслух, что это была плохая роль.

— Странной? — переспросил он.

Он нахмурился. Пальцы сжали мою руку выше локтя, притянули, и мне пришлось снова поднять голову.

— Нет. Ты просто наконец-то признала свою истинную природу. И мне это очень нравится.

— Но ты разочаровался.

— Разочарован? — Он наклонился так близко, что дыхание обожгло мои губы. — Я лишь разочарован в твоей гордости. Она оказалась чересчур хрупкой. Но то, что скрыва-

лось за ней... это меня полностью устраивает.

— Правда?

— Абсолютная правда.

Он провёл пальцем по моей нижней губе, и голос стал тише:

— А теперь докажи мне это.

— Как доказать?

Он усмехнулся. Провёл ладонью по моей шее, сбоку, где кожа тоньше всего и где я всегда слышу собственный пульс. Достал пульт из кармана и положил себе на колено — плашмя, кнопками вверх, будто предлагал взять. Глупо было думать, что даст.

— Очень просто. Умоляй меня об этом прямо сейчас.

Радиатор щёлкнул. Во дворе наконец завели машину и уехали, и стало совсем тихо.

Я слышала, как в горле собирается слюна. Покашляла бы, но было бы слышно.

— Хозяин...

Сухо. Как будто слово произнёс кто-то другой, стоящий у меня за спиной.

— Возьмите меня. Пожалуйста.

Вы. Впервые за девять лет. Я сама не поняла, как перешла на «вы», и это оказалось самым страшным, что я сделала за весь вечер, — страшнее, чем сказать «хозяин».

Он тихо хмыкнул. Провёл пальцем по моим губам, и я поняла, что облизала их сама, только что, не заметив.

— Убедительно.

Он убрал пульт в карман. Взял мой подбородок — крепко, уже без пробы на температуру.

— Ты больше не моя соперница. Теперь ты только моя послушная вещь.

Взгляд у него потемнел от торжества. Он отпустил мой подбородок и резко потянул за верёвку — узлы пошли вниз один за другим, и канат соскользнул с моих запястий, оставив поперёк кожи две красные полосы и ворсинки волокна.

Кровь вернулась в кисти и принялась колоть иголками. Я тряхнула руками и не удержала — они не слушались, пальцы шли в стороны, как чужие.

— Открой глаза, — шепнул он.

Я и не заметила, что закрыла. Открыла. Он притянул меня за талию, и я оказалась на нём, на колене, слишком близко, так близко, что от его рубашки пахло стиральным порошком и чем-то ещё, тёплым, своим, знакомым из коридоров универа.

— Давай посмотрим, насколько ты покорна на деле.

Я не отстранилась. Рука легла ему на грудь и остановилась — под ладонью гулко, часто, и это его, это не у меня.

Он усмехнулся, медленно провёл ладонью по моей спине, вверх до лопаток, и прижал к себе.

— Вот так намного лучше, — шепнул он на ухо. — С этого момента ты принадлежишь мне.

И всё.

Я стояла на коленях на холодном паркете, босиком, с горящими запястьями, уткнувшись лицом в чужую белую рубашку, и понимала, что это ещё ничего — это только первая фраза. Что он сейчас сообразит, что я согласилась слишком быстро. Что я уже стою у него на коленях и уже не помню, зачем мне было нужно выходить из своей комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.